

Всемирная история

Алекс Бертран ГРОМОВ

ПЕРСИЯ:
ЭРА ВОЙНЫ
И РЕВОЛЮЦИИ

1900—1925

Алекс Бертран Громов

Персия: эра войны и революции. 1900—1925

Серия «Всемирная история (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55094702

*Персия: эра войны и революции. 1900—1925 / Алекс Бертран Громов:
Вече; Москва; 2019
ISBN 978-5-4484-8206-9*

Аннотация

В начале XX века Персию ждали перемены, революционные события и пристальный интерес Британской, Российской и Германской империй. Персия занимала важное стратегическое положение и обладала запасами нефти. В издании описаны революция 1905–1911 гг. и участие большевиков в ней, события на Персидском фронте Первой мировой войны и действия немецких агентов, падение династии Каджаров и та роль, которую сыграли в жизни Персии представители белой эмиграции и новой Советской власти после Октябрьской революции в России. В судьбе Персии непосредственно участвовали Николай II и Петр Столыпин, Ленин, Троцкий, Сталин... На ее земле противоборствовали разведки великих держав.

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
Часть I	7
Первые годы нового столетия	8
Кавалер и орденосеиц	11
Как менялся Тегеран	14
Появление персидское кино	19
Что думала о Персии Европа?	22
Стальная колея	24
Российские банкиры и авантюристы	29
Путеводитель по Петербургу перед революцией	31
Петр Барк: министр и финансист	35
Генерал Куропаткин: вопрос о границе	38
Учитывать мнение Персии	44
Персидская казачья бригада	48
Керзон о персидских казаках	54
Российско-персидские торговые отношения	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алекс Бертран Громов

Персия: эра войны и

революции. 1900—1925

© Громов А.Б., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Об Иране писали многие отечественные авторы. В их числе востоковед и известный романист Василий Ян, поэты Сергей Есенин, Сергей Городецкий, Велимир Хлебников. В тексте книги бережно и подробно воссоздается историческая обстановка, эпоха революционных потрясений в России и Иране, и в том числе – ее влияние на судьбы литераторов и сюжеты их произведений.

В книге упоминается участие немногим менее века назад России в одной из выставок, проходившей в Тегеране. А один из советских послов в этой стране был собеседником Ленина и Герберта Уэллса во время их знаменитой встречи в Кремле.

Эта книга – не только об истории Ирана и непростых отношениях его с другими странами, но и о том, как менялись отношения между нашими странами. От договоров, превращающих Иран в полуколонию, до равноправных соглашений и сотрудничества, экономического и культурного, которое мы в настоящее время продолжаем и успешно развиваем, участвуя в книжных выставках.

Сергей Кайкин,
руководитель Генеральной дирекции
международных книжных выставок и ярмарок

Введение

Как и весь Восток, Персия в первой четверти XX столетия претерпела различные изменения. Это было связано с тем, что стала другой окружающая обстановка, исчезла одна из ранее значимых сил – восточные устремления Германии – и произошли преобразования в Турции, переставшей быть региональной империей. Но изменилась обстановка и в самой Персии, шагнувшей из XIX века в современность, выразившуюся в создании промышленных предприятий, железной дороги, аэродромах и радио, обновленных городах и будущего Тегеранского университета с девизом «не оставляй учения ни на минуту».

В это время Персия стала одним из перекрестков движения Запада на Восток, на котором шла борьба за ресурсы и решались судьбы планеты, и нефть, ставшую новым золотом нового времени.

Это судьбы племен и народов, которые пытались выжить в этом изменяющемся мире и сохранить верность традициям в эпоху перемен.

**Арти Д. Александер,
исследователь, этнограф**

Часть I

Персия на пороге XX века

XIX век стремительно менял жизнь людей во всем мире. Путешествия, успех которых ранее зависел от направления ветров и течений или силы вьючных животных, стали совершаться с помощью паровых двигателей. И в Персии овеянные древностью традиции сталкивались с натиском эпохи, опиравшейся на достижения технического прогресса.

Первые годы нового столетия

В начале XX века Персию ждали перемены, революционные события и продолжение противоборства на ее территории Британской и Российской империй. Насколько важное стратегическое положение занимала персидская держава? Об этом можно узнать из записок русского генерала Куропаткина и английского государственного деятеля лорда Керзона.

Развитие совместных коммерческих проектов представителей России на персидской территории выражало интересы Российской империи. Ослабление шахской власти и персидской экономики неизбежно привело к увеличению в Персии роли иностранного капитала, увеличению числа иностранных специалистов и управляющих кадров, а также развитию и некоторых европейских культурных традиций.

Повлияли и русские традиции, и даже предметы, оказавшиеся востребованными и на персидской земле. Русские мастера и умельцы, оказавшиеся в Персии, пришлось ко двору не только самому шаху и местной элите. Достаточно вспомнить фотографов и военных, врачей и инженеров, предпринимателей, архитекторов, строителей.

Свою роль в Персии сыграли и революционеры из Российской империи, среди которых были выходцы с Кавказа.

Главой государства в Персии был шах – абсолютный мо-

нарх. От его имени действовал премьер-министр (садразам, атабек), который подчинялся шаху. Среди министров были каджарские принцы, родственники шаха, люди, близкие к шахскому двору, получившие должности благодаря своему привилегированному положению, связям или крупным взяткам.

Губернаторы провинций получали взятки и занимались поборами с населения, не обращая внимания на его жалобы (в том числе – в Тегеран). Тем более что некоторые из губернаторов (Исфахана и Фарса, вожди кашкайских, бахтиарских и курдских племен) располагали союзниками и даже вооруженными формированиями, и поэтому с ними тегеранское правительство старалось без особой надобности не вступать в конфликты, опасаясь мятежей.

В 1904 году в Персии был голод, от него в столице и провинциях умирали люди. А шах, не обращая на это внимания, снова собирался в поездку по Европе и заявил, что те, кто смеет укорять его, – это его враги, которые будут опозорены. Шах сказал: «Я одолжу у русских и поеду за границу!»

У многих персов вызывали негодование постоянные займы (и большие получившиеся долги) шаха у иностранных держав, продажа концессий иностранцам, низкая эффективность государственного аппарата, его казнокрадство и взяточничество, судебный и полицейский произвол, отсутствие надежд на светлое будущее.

«В нашей постоянной борьбе против роста русского влияния в Турции, Китае и Персии мы в последнее время не признавали изменившиеся условия, в которых происходит это соперничество. Когда Россия аннексирует территорию, она ухитряется так искусно и решительно ее ассимилировать, что та за короткое время становится надежной ступенькой для новых шагов. Главная база наших операций – море. Мы остаемся на месте – Россия уверенно движется вперед. Наше влияние сохраняется – русское растет».

**Меморандум лорда Гамильтона,
министра по делам Индии,
1900 год**

Кавалер и орденоседец

Мозафереддин-шах в 1902 году был удостоен ряда наград Российской империи и стал кавалером ордена Святого апостола Андрея Первозванного, кавалером ордена Святого Александра Невского, кавалером ордена Белого орла, кавалером ордена Святого Станислава I степени, кавалером ордена Святой Анны I степени с бриллиантами.

В этом же году персидский шах стал кавалером прусского ордена Черного орла, кавалером испанского ордена Золотого руна.

И следующий год для Мозафереддин-шаха был урожайным на иностранные ордена – он стал кавалером британского ордена Подвязки, кавалером итальянского ордена Святого Благовещения, владыка Персии был удостоен итальянского Большого креста ордена Святых Маврикия и Лазаря, французского Большого креста ордена Почетного легиона, бельгийского Большого креста ордена Леопольда I, а Австро-Венгерская империя наградила его Большим крестом ордена Святого Стефана.

«В 1903 г. правительство Ирана официально объявило, что подати, поступившие в государственную казну с населения, составили 9 млн туманов (или 15 млн рублей), что означало, при населении в 10 млн человек, 9 кранов или пол-

тора рубля на душу населения. Но в действительности, как сообщал русский дипломатический советник Власов, в сборе податей царил полный произвол: «Они составляют от 13 до 20 млн туманов, т. е. вдвое больше нормы». Получаемые подати бесследно исчезают в карманах двора, шахских министров, правителей областей, в то время как большинство из вышеперечисленных лиц платили налоги по самой низшей шкале и фактически были избавлены от податей.

Из 9 млн туманов, официально поступивших в казну, 1,5 млн туманов расходовались на пенсии («самые необоснованные в мире»), 3 млн туманов казна отдавала армии, значительную сумму государство жертвовало «святым» местам и гробницам. На нужды государства и населения оставалось менее половины получаемых доходов. Поэтому единственным постоянным доходом государства служили доходы с таможен, хотя эта мера вызывала серьезное недовольство иранских купцов и торговцев. Приводя указанные данные, Власов писал: «Вопиющее злоупотребление права сильного над слабым, ничтожное обложение налогами богатых, тяжелые поборы, постоянные штрафы, взыскание налогов ранее срока уплаты, наложение процентов на недоимки и на взносы» приводили к волнениям, которые, как считал русский посланник, «могут принять более интенсивный и опасный характер для государства и заставят правительство мобилизовать часть своей армии, для чего потребуются уже не ассигнации, а наличные деньги»».

**Дорошенко Е.А. Шийтское духовенство
в двух революциях: 1905–1911
и 1978–1979 гг. М.:
Институт востоковедения РАН, 1998**

Как менялся Тегеран

Во времена правления Каджаров Тегеран стал образцом нового иранского города, начали формироваться новые городские понятия – улицы, площадь, городская среда, парк и официальные городские учреждения. Увеличилось количество иностранцев, которые стали возводить на территориях своих дипломатических миссий высокие здания и разбивать большие сады.

Начиная с 1899 года, когда был принят указ о создании мэрии (баладие), государство начало создавать организационные единицы городского управления. Изнанкой быстрого развития крупных иранских городов (в первую очередь столицы) стал кризис коллективной памяти, поскольку в результате внутренней эмиграции в эти города переехали группы людей из разных иранских провинций. Как подчеркивает Ниматулла Фазели в книге «Современная иранская культура», «неоднородность этих групп и отсутствие конкретных культурных программ не позволили появиться городскому коллективному чувству или коллективной памяти. Коллективная память и конкретная городская идентичность жителей разных регионов, которые в период Насер ад-Шаха и даже до него в пределах конкретных районов знали друг друга, были стерты». При этом шахское правительство не смогло предложить новую культурную политику вместо утраченной

местной идентичности, и поэтому в столице не была полностью сформирована местная городская культура.

В конце XIX века, как отмечает иранский историк Ярванд Абрахамиан, в городах жило менее одной пятой части всего населения страны. Городское население Персии обитало в 36 городах, причем большинство жили в Тегеране (200 тысяч человек) и Тебризе (110 тысяч человек). В других крупных городах – Исфахане, Йезде, Казвине, Куме и Ширазе – численность жителей насчитывала от 20 до 80 тысяч человек. В городах Ардебиль, Кашан и Амоль проживали примерно по двадцать тысяч человек.

При этом система городского управления долгое время сохраняла традиционные черты – вали и хакимы управляли провинциями, а персидские города подразделялись на махалля (районы), каждая из которых имела своего кадхода. «Кадхода был посредником между жителями махалля и городским судьей... Он также заведовал кофейнями, зурханами (залами для занятий традиционным спортом) и общественными банями».

Один из самых первых преобразователей облика персидских городов в XIX веке был визирь Амир Кабир (посещавший Санкт-Петербург), начавший реконструкцию шахских дворцов, затем – дорог и задумавший организовать и большую артиллерийскую площадку. По приказу владыки-реформатора Насреддин-шаха (неоднократно путешествовавшего по Европе и восхищавшегося Парижем, его бульвара-

ми и площадями) с 1877 по 1891 год прошла модернизация столицы, поэтому, по мнению многих иранских историков, именно Париж и стал образцом для преобразований персидской столицы.

По мере увеличения числа жителей Тегерана они перестали вмещаться на территории, огражденной городской стеной, построенной еще во времена шаха Тахмаспа (1514–1576), и почти одновременно с проведением первой переписи населения страны 1867 года началось разрушение старой стены, опоясывавшей Тегеран, и строительство новой. Но к этим традиционным постройкам добавились и приметы новизны – здесь появилось здания телеграфа, мэрии, новая больница и другие постройки, обусловленные нуждами большого города и столицы государства.

Разумеется, процесс перемен не был гладким, он породил и драмы, и комические ситуации. Так, иранский писатель Мохаммад-Казем Мазинани в романе «Последний из Саларов» с юмором описывает начало модернизации городской жизни и его неизбежные издержки: «Ровно на десять утра был назначен пуск водопровода: было объявлено, что вода пойдет из гидранта на главной площади города. Народу собралось – не протолкнуться, и все городские власти присутствовали...

Древний провинциальный городок, подобно старому змеиному королю после последней случки, находился в процессе сбрасывания кожи. Голову он положил возле недавно раз-

битых бульваров, а хвостом обвился вокруг минарета исторической мечети и непрерывно извивался, чтобы старая кожа слезла с него, как футляр. Куски этой прежней шкуры еще видны были в нижней части города.

Бульдозеры вскрывали старую городскую ткань, чтобы заложить основания нового: парков и школ, контор и домов геометрических форм – квадратных и прямоугольных. А каких только тайн не выходило на поверхность при сносе старого... В полночь люди слышали стоны и хныканье нечистой силы из разрушенных старых бань и крытых водохранилищ. Древние крепостные стены тряслись от безжалостного натиска бульдозерных ножей и с трудом удерживали сами себя от обвала. На месте улиц неожиданно появлялись сады. Переулки и улицы, как поднявшееся тесто, раскатывались под колесами автомобилей и делались все длиннее и длиннее. С каждым днем росло количество автомастерских и автослесарей; свои промасленные руки они вытирали о рваные женские платки и мужские шаровары, о сюртуки из цветной бязи и об армяки старого покроя...

Губернатор провинции закончил речь под аплодисменты публики. Мэр города с его круглым животиком, на котором галстук лежал, словно змея, греющаяся на солнышке, шагнул вперед. Девушки в традиционных нарядах возле крана гидранта держали поднос с большими ножницами. Мэр взял ножницы и шагнул к гидранту. Площадь ждала в пыльном молчании. Мэр перерезал ленточку, и стальной кран откры-

ли, и со свистом и бульканьем под напором пошла вода. Эта вода шла из глубокого колодца и, в отличие от воды в старых городских арыках, была заключена в темницу чугунных труб, из которых теперь вырывалась и с ворчанием падала в бетонное русло, и текла уже по нему дальше...»

Появление персидское кино

Появление нового вида искусства – кинематографа – тоже не обошло стороной Персию. А первыми иранскими кинофильмами были несколько документальных короткометражных лент, которые снял придворный фотограф. Летом 1900 года шах Мозафереддин, путешествуя по Европе, лично ознакомился с новым видом искусства – кинематографом. И тут же приказал своему лейб-фотографу Мирзе Ибрахиму Аккас-баши приобрести кинокамеру. Что тот немедленно и исполнил. Надо отметить, что кинокамеры в то время были в новинку даже в Европе – это устройство лишь пять лет как изобрели. Фотограф шаха запечатлел тогда на кинолентку цветочный праздник в бельгийском городе Остенде. Принято считать, что и был самый первый случай, когда иранец снял кинофильм. После возвращения он снял фильм, посвященный церемониям дня скорби Ашура.

В числе первых иранских документальных лент была и та, где засняты львы в шахском зверинце. Десять лет спустя в Тегеране уже начали появляться кинотеатры. В них демонстрировались картины, многие из которых были сняты в России. Как и во всем мире, сеансы немого кино сопровождались живой музыкой – игрой на фортепиано или скрипке. Титров на фарси пока еще не было, речи киногероев озвучивали переводчики. Поначалу в «кинематографы» допускали

только мужчин, но потом стали проводить отдельные сеансы для женщин, а то и открывать специальные женские кинотеатры. Однако все эти варианты оказались не слишком выгодными, поэтому все пришло к тому, что зал делили на женскую и мужскую половины, а билетеры следили за соблюдением приличий.

Постепенно начало развиваться и собственное производство художественных фильмов. В 1933 году на экраны вышел фильм «Лурская девушка» (Dokhtar-e Lor), то есть героиня была из народности луры. Но главное – это был первый иранский звуковой фильм. «Лурская девушка» произвела фурор, ее успех долго не удавалось повторить ни одному иранскому фильму. Автором сценария был Абдальхоссейн Сепанта, который смог заинтересовать своей идеей продюсера и режиссера иранского происхождения, уроженца Пуны – Ардешира Ирани. Сам Сепанта сыграл главную мужскую роль. В остальных ролях тоже снялись иранские актеры.

Успех «Лурской девушки» был так велик, что Сепанта впоследствии немало натерпелся от козней завистников и соперников, поставлявших в Персию копии иностранных фильмов. Но ему удалось снять биографический художественный фильм о великом поэте Фирдоуси. Правда, эпизод с противостоянием поэта и султана Махмуда очень не понравился Реза-шаху. Картина была запрещена цензурой. Также среди фильмов, которые снял Сепанта, – экранизации классических поэм о великой любви «Фархад и Ширин» и «Лей-

ли и Меджнун».

Что думала о Персии Европа?

Насколько Персия была в начале XX века *terra incognita* для обычного европейца? На слуху была больше древняя история, чем та современность. Уже начались переводы и издания эпоса «Шахнаме», истории и легенды, порой – фантазии на тему древности. В 1910 году на парижской сцене, готовя вторые Русские сезоны, Сергей Дягилев поставил балет «Шехеразада» (музыка Н. Римского-Корсакова, сценарист А. Бенуа, балетмейстер М. Фокин, художник Л. Бакст).

Премьера состоялась 4 июня 1910 года. Среди действующих (на Востоке в сказочные времена) лиц – шах Шахрияр; Земан, его брат, правитель Персии; Зобеида, его жена; Золотой раб; жены Шахриара, альмеи, евнухи, черные рабы. Основанная на одном из сюжетов «Тысячи и одной ночи», история страсти начинается с того, что приехавший к шаху брат Земан, владыка Персии, обвиняет жен шаха в неверности. Шах отправляется на охоту, но внезапно возвращается обратно, застав жен с любовниками.

Премьера балета прошла с огромным успехом. Роль Зобеиды исполнила Ида Рубинштейн, чья внешность тогда напоминала тех самых роковых восточных красавиц; роль Золотого раба исполнял Нижинский, который, по словам Фокина, «напоминал первобытного дикаря... всеми своими движениями». Эта постановка многих восхищала, а других шо-

кировала, именно сладострастными танцами женщин.

Стальная колея

Но сугубо экономическое развитие имело пока что намного большее значение. Интенсивная урбанизация страны, появление новых предприятий и вызванная этим необходимость быстрой перевозки больших партий грузов способствовали развитию транспортной системы Персии. Традиционные купеческие караваны вьючных животных уже не могли обеспечить потребности экономики. Немалую роль играло и взаимодействие с Российской империей, которая, как пишет Святослав Рыбас в книге «Заговор верхов, или Тотальный переворот», после поражения в Крымской войне «и утраты из-за сопротивления Англии всех преимуществ, полученных после войны с Турцией... повернулась в противоположную сторону от Европы».

Не только на персидской земле появление железных дорог и ходивших по ним первых паровозов порой пугало людей, относившихся к новому способу передвижения с опаской. Когда в августе 1851 года российский император Николай I отправился в Москву, на празднование 25-летия своего коронавания, в сопровождении свиты и нескольких немецких принцев, то большие мосты из боязни переходил вслед за поездом пешком.

Тем не менее в 1864 году в Тегеране появился человек, представлявшийся как «господин Савалан», и предложил

правительству Персии проект строительства железной дороги. Получить концессию он тогда не сумел, однако добился обещания уведомлять его в течение следующих 10 лет о всякой вновь открывшейся перспективе железнодорожной концессии.

В 1866 году Мошен-хан Мойн ол-Молк, персидский посланник в Лондоне, вел переговоры о постройке железной дороги от Тегерана до города Рей с прусским предпринимателем Строусбергом, который в то время занимался строительством и эксплуатацией железных дорог в Румынии.

Проявляли интерес к возможности строить железные дороги в Персии и англичане, которые опасались, что если их опередят русские, то влияние Российской империи в Центральной Азии еще более возрастет. Соответственно и в России этот вопрос воспринимался как весьма важный. Обсуждение возможного получения британской стороной железнодорожной концессии происходило в том числе и во время визита Насреддин-шаха в столицу империи. «За кулисами были проведены серьезные переговоры между шахом, мирзой Хосейн-ханом и князем А.М. Горчаковым, канцлером России, – пишет А.Б. Широкоград в книге «Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907». – Горчаков выразил недовольство концессией, заявив, что она нарушит персидскую независимость. Шах ответил Горчакову, что его страна не может остаться без железных дорог, строительство которых требует привлечения иностранных компаний. Он пред-

ложил русскому канцлеру помочь в этом деле. Горчаков заверил шаха, что он попробует найти компанию, подходящую для этой цели. Возможность, которая внезапно открылась перед Россией, не была упущена опытным дипломатом. Министерство иностранных дел немедленно представило предпринимателя, желающего вложить капитал в Иран, – отставного русского генерала барона фон Фалькенгагена, который прибыл, снабженный наилучшими рекомендациями. Он был приглашен в Тегеран обсудить условия контракта».

Какое-то время продолжались борьба интересов разных держав, поиск финансовых средств и добросовестных исполнителей. Российские предприниматели и правительство по-прежнему интересовались сотрудничеством с Персией в области развития железных дорог. В марте 1889 года правительству Российской империи было предоставлено на 5 лет исключительное право на разработку проектов железных дорог в Персии. Промышленники Хомяков, Третьяков и Корф вели переговоры о предоставлении концессии на сооружение Трансперсидской железной дороги от Решта до южного побережья Персии. Проект не был тогда осуществлен не в последнюю очередь из-за противодействия Англии. В России тоже возникла обеспокоенность, что постройка Трансперсидской дороги послужит не расширению российской торговли на юге Персии, а, наоборот, будет способствовать проникновению английских товаров с побережья Аравийского моря в Северную Персию. Да и оценка необходимых расхо-

дов вызвала сомнения в том, что проект возможно быстро осуществить, ведь в самой России в то самое время строилась грандиозная и остро необходимая Транссибирская магистраль.

Тем не менее в 1890 году между Российской империей и Персией было заключено соглашение, что в течение 10 лет никакие железнодорожные концессии в Персии никому без согласия России предоставляться не будут. «В 1893 году Персидское страховое и транспортное общество Лазаря Полякова приобрело концессию на строительство дороги Энзели – Казвин, – отмечает Рыбас, – было образовано Общество Энзели – Казвин, получившее право проложить дорогу до Тегерана и Хамадана. 77 процентов выпущенных Обществом акций, по указанию С.Ю. Витте, были выкуплены государственным казначейством. Весь контроль над деятельностью Общества Энзели-Тегеранской дороги оказался сосредоточенным в руках правительства... Особая роль принадлежит Учетно-ссудному банку Персии, созданному Я.С. Поляковым и переданному им в управление Государственному банку. В 1894 году частный банк фактически стал структурой русского Государственного банка, являясь главным инструментом для закрепления России в Персии, провозглашенного в конце 1890-х годов Министерством финансов. По предложению С.Ю. Витте были определены основные задачи банка: содействовать “развитию активной торговли русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов,

распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений”».

Лазарь Поляков, известный финансист и промышленник, одним из первых в России обратил внимание на перспективность рынка Центральной Азии. Им были основаны Персидское и Центрально-Азиатское промышленное и коммерческое общества. С 1890 года Лазарь Поляков являлся генеральным консулом Персии в Москве. Был награжден персидскими орденами – орденом Льва и Солнца и орденом Меджидие I степени. В 1897 году в России он был возведен в потомственное дворянство и получил герб, одним из элементов которого было «червленое крылатое колесо» как символ строительства им железных дорог.

Однако экономический кризис 1908 года помешал Полякову провести задуманную им железнодорожную линию в Персии. Первая железная дорога появилась там только в 1914 году, соединив Тебриз и Джульфу на границе Российской империи.

Российские банкиры и авантюристы

Среди достопримечательностей столицы Российской империи был расположенный доме № 9 по Английской набережной особняк Лазаря Полякова, самого богатого из трех братьев. Лазарь Поляков был в период расцвета своей финансово-торговой империи одним из самых богатых людей России, создателем банков и промышленных обществ и товариществ, владел заводами и строительными компаниями, страховыми обществами и сибирскими золотыми приисками. При этом был авантюристом, выпускавшим акции несуществующих предприятий, под которые брались кредиты, сразу же пускаемые в оборот.

Лазарь Поляков был возведен в потомственное дворянство и получил чин тайного советника, через год разорился, скончался в январе 1914 года в Париже.

Несколько десятилетий деятельность Полякова и его торговой империи была связана с Персией. С Персией торговал его брат Яков, который в 1870 году создал и возглавил Таганрогский торговый дом, а через год – Азовско-Донецкий Коммерческий банк. Затем Яков Поляков стал председателем правления Ссудного банка Персии и персидским генеральным консулом в Таганроге. Яков за свои заслуги в развитии торговли, особенно с Персией, в развитии промышленности Юга России был награжден званиями коммерции

советника и потомственного почетного гражданина, чином действительного статского советника.

«Министерство иностранных дел занимало восточное крыло Главного штаба, выходящее одним фасадом на Дворцовую площадь, другим – на набережную реки Мойки, 39–41...»

Министерство состояло из совета при министре, канцелярии, трех департаментов – азиатского; внутренних сношений, личного состава и хозяйственных дел; отдела печати и архивов: в Петербурге и Москве.

С 1900 по 1906 год министерскую должность занимал граф Владимир Ламсдорф, выпускник Александрийского лицея и Пажеского корпуса, карьерный дипломат, проработавший всю жизнь в самом министерстве и ни разу не служивший ни консулом, ни послом...

В 1906 году министром становится Александр Извольский, окончивший, как и его предшественник, Александрийский лицей, он обладал гораздо большим профессиональным опытом...»

Лев Лурье. Град обреченный.

Путеводитель по Петербургу перед революцией

В 1890 году Яков Поляков приобрел концессию сроком на 75 лет на устройство в Персии банка (с капиталом 5 млн франков) с правами заниматься ссудными операциями под залог ценных бумаг, векселей и товаров и организовывать аукционы. В мае 1891 года банк под названием «Ссудное общество Персии» был утвержден правительством в Тегеране. Но после трех лет не очень удачной финансовой деятельности банк в апреле 1894 года был куплен Министерством финансов Российской империи. Сергей Юльевич Витте, занимавший в то время пост министра финансов (с 30 августа 1892 до 29 августа 1903 года) и являвшийся инициатором этого приобретения, считал, что банк должен содействовать «развитию активной торговли русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений». В 1902 году Ссудный банк Персии был переименован в Учетно-ссудный банк Персии.

Благодаря связям брата, Якова Полякова, Лазарь наладил тесные связи с персидской элитой. С 1890 года он стал генеральным консулом Персии в Москве, а через четыре года шах Персии Наср-эд-дин своим фирманом пожаловал Ла-

зарю Полякову (хотя его называли «московским Ротшильдом»), он давно завидовал титулованным Ротшильдам) титул барона. Лазарь Поляков был награжден персидскими орденом Льва и Солнца, орденом Меджидие I степени.

В Персии Лазарь Поляков не только открыл филиалы своих банков, но и получил концессию на строительство дороги Энзели – Казвин, которую потом продолжил до Тегерана и Хамадана.

Лазарем Поляковым в 1890 году было создано Персидское страховое и транспортное общество с акционерным капиталом в 2 миллиона франков (175 000 рублей). За несколько месяцев до этого Поляков купил у бельгийца Денни концессию на монопольное производство спичек в Персии. Так началась ставшая одной из «визитных карточек» Лазаря Полякова спичечная афера.

Учрежденное Поляковым «Товарищество промышленности и торговли в Персии и Средней Азии» (с капиталом 400 000 рублей, имевшее филиалы в Тегеране, Реште, Мешхеде и других городах) было создано на средства поляковского Московского международного банка (точнее, его акционеров). Строительство в персидской столице спичечной фабрики обошлось Лазарю Полякову в 200 000 рублей. Оставалось дело за материалами для производства тех самых уже разрекламированных Поляковым спичек. Но лесов для этих целей поблизости не было, а постоянно перевозить для этого древесину было экономически не выгодно. Назревал скан-

дал – почуявшие предстоящий крах акционеры потребовали от Полякова свернуть производство и вернуть им вложенные деньги. Вместо этого тот переоформил свои акции на подставных лиц и перепрофилировал спичечное производство в торговый дом, занимавшийся обменом русских и персидских товаров, реализацией, а затем занялся торговлей хлопком. Но убытки продолжали расти, и персидские неудачи стоили Лазарю Полякову более полумиллиона рублей долга, для списания которых он создал (уже не в Персии) очередное фальшивое предприятие...

В 1899 году правление Русского банка для внешней торговли получило разрешение на открытие в Астрахани своего отделения, которому поручалось производства торговых операций с Персией, Средней Азией и другими восточными государствами.

«Импозантное здание было построено в 1888 году Виктором Шретером специально для Русского для внешней торговли банка. В отделке фасада применены вюртембергские песчаники красного (цоколь и портал), зеленого (бельэтаж) и желтого (третий и четвертый этажи) цветов. В главном, фасадном здании по Большой Морской, помимо парадных входов, гардеробных, комнаты для швейцаров и большого вестибюля, находились: на первом этаже – кабинеты товарища директора и доверенных банка; на втором этаже – зал Совета с приемными и кабинеты директора банка и до-

веренного, на третьем этаже – квартира директора с собственными входами, как парадным, так и черным...

Русский для внешней торговли банк был основан в 1871 году. К 1910-му имел 76 филиалов. По объему операций банк в 1900-м занимал 4-е место, в 1914-м – 3-е, а к 1917-му – 2-е среди российских банков. По размеру акционерного капитала (60 млн руб.) делил 1-е место в России с Азовско-Донским и Петроградским международными коммерческими банками. Банк кредитовал внешнюю и внутреннюю торговлю, обеспечивал производство 20 % российского сахара...»

Лев Лурье. Град обреченный. Путеводитель по Петербургу перед революцией

Петр Барк: министр и финансист

С Персией связана и судьба последнего министра финансов Российской империи (с 30 января 1914 года по 28 февраля 1917 года) – Петра Львовича Барка. В 1897 г. Барк назначен директором Отделения заграничных операций Петербургской конторы Государственного банка. Этот пост он занимал в течение восьми лет. Почти одновременно с этим, в 1898 году, он стал председателем правления Учетно-ссудного банка Персии (этот пост Петра Львович занимал тринадцать лет, до сентября 1911 года), фактически являвшегося филиалом Государственного банка Российской империи (по числу акций русского правительства) и проводившего в Персии активную экономическую политику.

Именно через Учетно-ссудный банк российские государственные средства переводились на персидскую территорию, где вкладывались в займы, концессии на постройку дорог и даже чеканку местной монеты. Используя этот банк, российская власть сумела добиться исключительного права финансировать правительство Персии и установить контроль над его финансовой деятельностью.

По делам службы Барк дважды ездил в командировки в Персию – в марте 1900 и январе 1903 годов. А в июле 1900 года Барк отправился в командировку в Париж для переговоров с Мирзой Али Асгар-ханом, первым министром персид-

ского шаха Мозафереддина. Именно тогда российский финансист приобрел опыт ведения ответственных международных переговоров, который спустя несколько лет пригодился ему, когда он занял пост министра финансов Российской империи.

«В начале XX века Министерство финансов состояло из общей канцелярии с ученым комитетом; особенной канцелярии по кредитной части, в ведомстве которой состоял Санкт-Петербургский монетный двор. В министерстве было шесть департаментов: таможенных сборов; окладных сборов; железнодорожных дел; главного выкупного учреждения; тарифный комитет и совет по тарифным делам; департаменты государственного казначейства, торговли и мануфактур, Главное управление неокладных сборов и казенной продаж питей.

При министерстве финансов состояли экспедиция заготовления государственных бумаг, Дворянский земельный банк, Крестьянский поземный банк, Государственный банк, петербургская и московская ссудные казны, управление сберегательных касс и государственная комиссия погашения долгов. Министр финансов состоял шефом отдельного корпуса пограничной стражи».

Лев Лурье. Град обреченный.

Путеводитель по Петербургу перед революцией

Но и после успешно проведенных Барком с Персией переговоров персидская держава оказалась благодарной и наградила Барка орденами Льва и Солнца II степени – в октябре 1900 года, а затем – в январе 1903 года – и I степени. Это были первые иностранные награды, полученные Барком, который в 1902 (до 1911) году становится директором правлений Персидского страхового и транспортного общества и Энзели-Тегеранской и Тавризской железных дорог. Таким образом, Барк в течение более чем десяти лет способствовал обеспечению экспансии российского финансового капитала на персидской территории.

Генерал Куропаткин: вопрос о границе

Алексей Николаевич Куропаткин, начальник Закаспийской области, генерал-лейтенант Генерального штаба, был отправлен в Персию Николаем II с официальным визитом, чтобы сообщить Насреддин-шаху о вступлении на престол нового российского императора и помимо этого обсудить пограничные вопросы двух держав.

Куропаткин находился в персидской столице с 12 января по 23 февраля 1895 года, встречался с шахом, его первым министром и другими влиятельными персидскими сановниками, с российскими дипломатами и командиром Персидской казачьей бригады.

После возвращения в Россию, 25 марта 1895 года, Куропаткин был принят Николаем II, которому представил свой отчет. В своем документе («Всепокорнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения» // Добавление к Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1902. № 6) генерал-лейтенант и будущий военный министр империи писал, что «поддержание преобладающего влияния нашего в Персии и на будущее время является настоятельно необходимым... заботливо охранять целость

Персидского государства. Если не для нас, то для детей и внуков наших вся Персия должна войти в сферу русских политических и экономических... интересов, вооруженные силы в Персии в настоящее время незначительны, не устроены и не обучены должным образом. Но материал имеется хороший и если явятся опытные инструкторы и прекратится воровство сумм, ассигнуемых шахом на армию, то в Персии может быть создана значительная военная сила... Принимая на себя миссию по охране целостности этой страны, мы, по-видимому, должны влиять на персидское правительство... дабы в Персии не развивались и не совершенствовались вооруженные силы».

Документ произвел впечатление на российского императора, который в своем дневнике 30 мая 1895 года написал, что «читал с интересом отчет Куропаткина о его поездке зимою в Персию». В середине 1890-х годов продолжилось вытеснение Британской империи из Персии Российской империей, используя в том числе и экономические методы.

Прошло пять лет, и А.Н. Куропаткин, произведенный в декабре 1900 года в генералы от инфантерии и военный министр Российской империи (в 1898–1904 годах), отмечал в своих записках (Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002.), что «в главе 2-й всеподданнейшего доклада военного министра в 1900 г. изложен военно-стратегический обзор границ России. Общие мои выводы относительно различных участков

нашей границы были сделаны в этом труде следующие.

б) К востоку от Турции на Кавказе мы граничим на 698 верст с Персией, с Персией же наша граница идет по Каспийскому морю 412 верст и к востоку от него на протяжении 890 верст до Зюльфагарского прохода на р. Герируд. Общая длина нашей границы с Персией, считая с берегом Каспийского моря – 2000 верст.

Торговые наши обороты с Персией, постепенно возрастая в последние 10 лет, с 20 млн руб. в 1888 г. достигли в 1897 г. 35 млн руб. в год. Из торговых оборотов по сухопутной границе только торговые обороты с Германией, Австрией и Китаем превышают нашу торговлю с Персией. Наш отпуск за последние 10 лет с 9 млн достиг 16 млн руб., привоз – с 11 млн до 19 млн руб.

Необходимо, однако, добавить, что отпуск наших товаров искусственно увеличивается весьма серьезными льготами по вывозу сахара и хлопчатобумажных изделий, а ввоз уменьшается высоким обложением чая (привозимого через Персию из Индии и Китая) и почти запретительным обложением иностранной мануфактуры».

Куропаткин указывал, что Персия чрезвычайно выгодно расположена – на берегу Индийского океана и на самом коротком пути из Европы в Индию. При этом Персия в военном отношении достаточно слаба, поэтому она оказывается ареной борьбы между несколькими державами. Основными действующими лицами этой борьбы генерал называл Рос-

сийскую и Британскую империи. Но отмечал, что в их противоборство явно готова в скором времени вмешаться Германия, которая уже пытается всерьез утвердиться по соседству с Персией в Малой Азии.

Говоря о самой российско-персидской границе, Куропаткин отмечал: «Непосредственное соприкосновение наше на протяжении почти 2000 верст, продолжительность мирных сношений (граница в Закавказье остается без перемены в течение 70 лет), выгоды, даваемые нам Гюлистанским договором (статья 4), которым мы приобрели право вмешиваться во внутренние дела Персии, приобретенное тем же трактатом право исключительного господства на Каспийском море, омывающем беззащитные северные персидские берега, наконец, совершенное наше превосходство в военном отношении дают в настоящее время России политическое преобладание в Персии. Что же касается экономического преобладания, то мы господствуем только в трех северных провинциях Персии, на всей же остальной ее площади экономическое господство принадлежит не нам, и, собственно, в южных провинциях оно принадлежит Англии. Идя по пути постепенного расширения сношений с Персией, Англия, по видимому, стремится захватом побережья Индийского океана, проложением железнодорожной сети и развитием торговых сношений не только вполне обеспечить свое господство на юге Персидского государства, но постепенно занять экономически средние провинции и даже бороться с нами в се-

верных. Серьезным противником нашим в будущем должна вскоре явиться Германия, имеющая уже ныне в своих руках важный караванный путь Трапезон – Тавриз».

Писал Куропаткин и о том, что нет никакого смысла в приобретении новых территорий за счет Персии.

«Граница наша с Персией установлена весьма прочно, и мы ни в политическом, ни в военном отношениях отнюдь не нуждаемся в изменениях нашей пограничной черты и в каких-либо приобретениях от Персии. Напротив, приобретение новых земель, населенных иноплеменниками, необходимость чрезвычайных и постоянных расходов на устройство сих земель может скорее ослабить, чем усилить нас на Персидской границе; ослабится уже тем, что подорвет ту приязнь, с которой персидское население к нам относится как к добрым соседям.

Нет необходимости в изменении пограничной черты собственно и в военном отношении. Только на небольшом протяжении в Ленкоранском уезде и вдоль р. Атрека она разделяет родственные племена персов и туркмен. На остальном протяжении, идя по естественным линиям, она служит и этнографической чертой: в Закавказье – между армянами и турками, в Азербайджане – между персами, турко-татарами и курдами, в Средней Азии – между туркменами и русскими Закаспийской области, курдами и персами Хорасана».

А. Куропаткин. Доклад 1900 года

Обращал он внимание и на экономическое взаимодействие двух стран. «За последние 50 лет наша торговля с Персией по ввозу и вывозу возросла с 4 до 35 млн руб. в год. Мы обязаны охранять достигнутые результаты и развивать их, принимая все меры, дабы, прежде всего, рынки северной части Персии».

Учитывать мнение Персии

Столь деликатное отношение к пограничным вопросам между Россией и Персией было обычным делом на протяжении уже некоторого времени. Россия в конце XIX века продолжала расширение своих границ в Туркменистане, но при этом всегда учитывалось возможное беспокойство Персии, для которого не следовало давать повода. В 1873 году войска под командованием генерала Н.Н. Головачева заняли селения Хорезмского оазиса. В 1877 году был занят Кызыл-Арват. В 1879 году войска генерала Лазарева штурмовали Геок-Тепе, но неудачно. После этого туда направлен генерал Скобелев во главе 11 тысяч солдат и с сотней пушек. Он получил строжайшее указание не перемещать войска на восток за пределы оазиса Ахал-Теке и не совершать маневров на персидской границе.

Скобелев осадил крепость Геок-Тепе и 12 января 1881 года взял ее штурмом, несмотря на численное превосходство обороняющихся – в крепости было по разным оценкам 20 или даже 25 тысяч воинов. Брат известного художника-баталиста Верещагина – Александр – участвовал в том походе и писал о защитниках крепости: «Стреляли они хладнокровно, редко и необыкновенно метко».

Известный русский этнограф Евгений Марков запечатлел рассказ одного из участников обороны крепости: «...Скобе-

лев уж очень хитер был. Мы ждали, что русские на стены полезут, как в первый раз; а Скобелев какой хитрый! Все из пушек нас бил, а на стены не шел. Вот мы слышим ночью, что русские под стеной ход копают, лопатами стучат. Ну, думаем, вот это хорошо! Мы всю ночь шашки точили, думаем, станут они из-под земли вылезать, а мы им головы будем рубить. Нам только этого и нужно было. Вдруг, как задрожит земля, как взлетит вверх стена наша, мы думали, что весь свет сквозь землю провалился! Все голову потеряли! А тут русские ура закричали... В крепость ворвались...»

Тремя днями позже взятия Геок-Тепе отряд полковника А.Н. Куропаткина занял Ашхабад.

Перед тем как выступить на Геок-Тепе, Скобелев тщательно проанализировал предыдущий неудачный поход и пришел к выводу, что основной причиной поражения стало недостаточное снабжение как боеприпасами, так и продовольствием. Поэтому он позаботился о подвозе всего необходимого по Каспийскому морю и далее по новой, стремительно построенной железной дороге. Также он отправил в Персию Николая Гродекова, будущего туркестанского генерал-губернатора и командующего Туркестанским округом, чтобы тот организовал на персидской территории базу, расположенную всего в одном дневном переходе от Геок-Тепе, и заготовил там требуемые припасы.

В книге А.В. Щербака «Ахал-тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг.», изданной в Санкт-Петер-

бурге в 1900 году, подробно описана эта вдумчивая подготовка: «Отъезд свой генерал назначил на 31 августа. Накануне этого дня Скобелев командировал в Персию начальника штаба отряда, полковника Гродекова (теперь генерал-лейтенант), с тремя офицерами. Цель командировки заключалась в устройстве вспомогательной довольственной базы в Бужнуре, лежащем недалеко от Геок-Тэпе. Предполагалось образовать там 4-месячный запас довольства на 5000 человек, с тем, чтобы при движении нашего отряда к Геок-Тэпе, также и во время осады этой крепости и дальнейших действий, можно было бы подвозить запасы из ближайшего пункта. Операция эта, благодаря энергическому содействию нашего посланника в Персии, представляла все данные к успешному выполнению».

В популярном историческом романе Валентина Пикуля «Генерал на белом коне», рассказывающем о деятельности генерала М.Д. Скобелева, есть следующие строки: «Афганистан и Персия приветствовали экспедицию Скобелева, ибо сами не могли справиться с ахалтекинцами, живущими одним разбоем. Только воинственные курды жестоко отмщали текинцам за их набеги. А в Персии и Афганистане целые области, когда-то богатые и густо населенные, теперь оставались безлюдны и одичалы... Потому-то навстречу отрядам Скобелева неустанно шли караваны верблюдов: персы и афганцы добровольно помогали русским, присылая им в подарок ячмень, рис, горох и коровье мясо...»

Заботу Скобелева о поставках провианта из Персии описывает и Валентин Рунов в книге «Гений войны Скобелев. “Белый генерал”»: «Для улучшения продовольственных поставок М.Д. Скобелев решил воспользоваться улучшением российско-иранских отношений. На территории Ирана в городе Гермамбе был создан специальный магазин (склад), где оптом закупались продукты в Иране, и уже оттуда они поставлялись в Туркмению. При этом была исключена целая цепь перекупщиков и цены, естественно, упали».

Взятие крепости Геок-Тепе еще не завершило противостояние в этих землях. Эдвард Аллворт в книге «Россия: прорыв на Восток» пишет: «До 1884 года обстановка постоянно осложнялась из-за набегов на русскую зону туркмен Мары. В 1883 году в Мары был послан полковник Алиханов. Он убеждал племенных предводителей и известных граждан в необходимости подчинения российским властям ради собственных интересов. Такие усилия принесли плоды, ибо 1 января 1884 года была созвана ассамблея ведущих туркменских деятелей в Мары по вопросу присоединения к России. Оазис преобразовали в округ Мары». Это встревожило англичан. Однако русское правительство предложило Британии совместно определить границу с Афганистаном. Тем самым острого конфликта удалось избежать. Граница от реки Амударьи до персидского Хорасана была установлена в 1887 году.

Персидская казачья бригада

Такое весьма примечательное подразделение персидской армии сыграло важную роль в событиях первой четверти XX века в этой стране. Оно было создано после второй заграничной поездки Насреддин-шаха, во время которой он путешествовал в том числе и по Закавказью, подвластному Российской империи. Сопровождали царственного гостя во время этого визита кубанские и терские казаки. Они так впечатлили шаха своей великолепной джигитовкой и красочной форменной одеждой, что персидский владыка пожелал непременно создать и у себя на родине подобные войска. Советский историк Н.Р. Рихсиева в своем исследовании, опубликованном в 1978 году, утверждала, что «определенную роль в выборе играло личное желание Насреддин-шаха, которого в неоднократных поездках по России сопровождали русские казачьи части и покорили его выправкой и дисциплиной» (Рихсиева Н.Р. «К истории иранских казачьих частей»).

Также очевидцы свидетельствовали, что шах был искренне восхищен Собственным Его Императорского Величества Конвоем, состоявшим из кубанских казаков. «Персидская казачья бригада сформирована в 1879 году русскими инструкторами, – писал военный инструктор Меняев, опубликовавший под псевдонимом Мисль-Рустем книгу «Персия

при Наср-Эдин-шахе с 1882 по 1888 г.», – откомандированными из России персидскому шаху, по его желанию. Во время пребывания шаха в Петербурге ему очень понравился Конвой Его Величества, и с того времени он решил сформировать у себя подобный же конвой. Это единственная часть персидской кавалерии, которая обучается строю по русскому сокращенному уставу и походит на регулярную кавалерию».

В ходе поездки шах попросил кавказского наместника – великого князя Михаила Николаевича – направить в Персию русских офицеров, которые могли бы сформировать и обучить казачьи кавалерийские подразделения. Правительство Российской империи ответило согласием, и в ноябре 1878 года в Персию был командирован участник только что закончившейся Русско-турецкой войны, штаб-офицер для особых поручений при штабе Кавказского военного округа подполковник Алексей Домонтович, потомственный кубанский казак. «К середине XIX в. русско-персидские отношения заметно улучшились. Россия была важным торговым партнером Персии, а главное, стратегическим союзником против ее извечного врага – Турции, – пишет Александр Широкоград в книге «Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907». – В ходе войны 1877–1878 гг. Персия оказала определенную помощь русской Кавказской армии. В 1879 г. русское влияние в Тегеране значительно возросло в результате создания персидской казачьей бригады под командованием русских офицеров. В ее состав вошли четыре конных полка двухбата-

льонного состава, пехотный батальон и две четырехорудийные батареи. Штатная численность бригады составила 1750 человек. Бригада подчинялась лично шаху и быстро стала важной опорой его власти». Действительно, командир бригады подчинялся только самому шаху и садразаму, то есть первому министру, минуя персидского военного министра.

Впрочем, О.А. Гоков в исследовании «Создание и начальный этап существования Персидской казачьей бригады» указывал, что формирование этого подразделения стало реализацией давних задумок, связанных и с необходимостью сдерживать английскую экспансию. По его словам, в 1894 году товарищ министра иностранных дел в своем письме начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву вспоминал: «Пятнадцать лет назад бывший посланник наш в Тегеране тайный советник Зиновьев побудил шаха обратиться к нашему содействию для образования персидской кавалерии по образцу нашего казачьего войска... имея в виду главным образом приобретение влияния на персидское правительство и помещать другим, враждебным нам правительствам, взяться за это дело».

Важность крепкого сотрудничества с Персией в самых разных областях, в том числе и военной, была отмечена и генерал-майором Генерального штаба И. Блаламбергом в «Записке о значении для России Каспийского моря как торгового пути в Центральную Азию». Блаламберг многократно руководил экспедициями, изучавшими побережье Каспийско-

го моря. «Россия должна обратить свой взор на Азию как рынок важный и обширный», – писал он.

Русский посланник в Тегеране Лаговский еще в 1857 году докладывал директору Азиатского департамента Ковалевскому: «Присылка сюда офицеров может быть чрезвычайно полезною, внушая персиянам к нам доверие, ибо видя наше желание усилить их страну... они перестанут мечтать и верить наущениям наших противников о наших намерениях подчинить себе эту страну».

Как бы то ни было, Домонтович провел смотр персидской кавалерии и составил план действий по созданию Персидской казачьей бригады. 7 февраля 1879 года Домонтович подписал контракт с персидским правительством об организации постоянной русской военной миссии. Сам он стал начальником этой миссии и первым командиром Персидской казачьей бригады, находясь в этом качестве в Персии по 1882 год. О.А. Гоков в своем исследовании указывает, что официально новая воинская часть именовалась «Его Величества шаха бригада», а ее командир – «Заведующий обучением персидской кавалерии». В качестве дара от правительства Российском империи бригаде была придана батарея конной артиллерии.

Оружие персидских казаков подробно описано в книге Мисль-Рустема, достаточно долго наблюдавшего жизнь и службу в бригаде изнутри: «Вооружение всех полков состояло из кинжала и шашки кавказского образца, часто под се-

ребром, и из винтовки системы Бердана, которые выдаются на руки только на время учения, а в остальное время хранятся в цейхгаузе. Берданки – несколько сот штук – с комплектом патронов, были подарены шаху Государем Императором Александром II. Патронташи одеваются через плечо. Батарея, входящая в состав этой бригады, состоит из 4 легких стальных орудий, подаренных шаху Государем Императором Александром III в 1883 году, и имеет лошадей по мастям. Одно орудие даже на серых лошадях. К этим орудиям был прислан в подарок и комплект снарядов».

Поступающий на службу должен был прибыть со своей лошадью, а также представить поручительство от уже зарекомендовавшего себя достойным доверия лица. «Бригада эта была первый раз сформирована русским полковником Домонтовичем, приехавшим в Персию по назначению русского правительства, с тремя обер-офицерами и 5 урядниками – от Терского и Кубанского войска, – писал Мисль-Рустем. – Это была, так сказать, русская военная миссия. Лицам, вошедшим в ее состав, сохранялась служба в России и платилось содержание как от русского, так и, отдельно, от персидского правительств, и, надо отдать справедливость, содержание очень хорошее: полковник получает до 10 000 руб. в год, обер-офицеры около 5000, а урядники около 1200 руб. (смотря по курсу). Выдача производилась частью персидской серебряной монетой, частью русскими кредитками. Желаящие поступить в бригаду приводили с собой

лошадь с седловкой, а остальное выдавалось им за деньги, вычитаемые потом из жалованья. При определении на службу требовалось только, чтобы кто-нибудь поручился за поступающего, что он не сбежит и не унесет выданную ему в кредит обмундировку. В 1883 году бригада пополнилась, по желанию шаха, еще полком мухаджир и легкой батареей из четырех орудий».

Командир бригады официально подчинялся шаху, однако он был подотчетен также российскому Генеральному штабу, кавказскому наместнику и Министерству иностранных дел, то есть русскому посланнику в Тегеране. Основным местом дислокации казачьей бригады был Тегеран, но также были отделения в Тебризе и других городах Северной Персии. Общая численность личного состава доходила до 900 человек.

Керзон о персидских казаках

Посетивший Персию в конце XIX века лорд Керзон зафиксировал в своих записках, что численность казачьей бригады составляла порядка 2 тысяч человек. Но многие историки отмечают, что, говоря о Персидской казачьей бригаде, Керзон руководствовался официальными положениями и указывал максимальный заявленный состав. Например, по его сведениям, «полный комплект русских инструкторов обыкновенно составляли: один полковник, три капитана, один поручик и десять унтер-офицеров; но в настоящее время число их уменьшено до следующих размеров: один полковник, один капитан, один поручик и шесть унтер-офицеров». Хотя фактически состав русской военной миссии на всем протяжении ее существования не менялся, и в нее входили полковник Генштаба, три обер-офицера и пять унтер-офицеров. Об условиях службы в бригаде Керзон писал: «Субалтерн- и унтер-офицеры ежегодно получают от казны по одному мундиру персидской шерстяной материи, по два мундира из тонкой хлопчатобумажной материи и по паре сапог, на сумму в 100 кранов».

В казачьей бригаде были как кавалерийские, так и пехотные подразделения. Пехотинцы-казаки именовались на русский манер пластунами и носили пластунскую форму, кавалеристы – форму Кубанского казачьего войска. Русские ин-

структоры были одеты в форму Терского казачьего войска. А парадная форма шахского конвоя соответствовала форме Конвоя Его Величества.

Упомянутый выше Мисль-Рустем описывает облик и амуницию персидских казаков, а также коней и сбрую весьма подробно: «Обмундировку и вооружение этим полкам дали по образцу кавказских казаков. Первый полк получил обмундировку кубанских казаков, т. е. бешметы и верх папахи красные; второй – казаков Терского войска, т. е. бешметы и верх папахи голубые, а третий – зеленые бешметы и белый верх; погоны с инициалами полка. Обмундирование батареи было схоже с формой кубанских русских батарей. При бригаде, с самого ее основания, был учрежден также особый взвод «garde» (т. е. гвардейский), как называли его персы, который был одет как наш конвой Его Величества, в красные, а по будням синие, обшитые галуном черкески и посажен не на гнедых, как у нас в конвое, а на серых жеребцах. В полках допускались лошади всех мастей, но они ранжировались мастями по эскадронам и взводам. Так, я заметил, что первые эскадроны имели больше вороных, вторые – гнедых и рыжих, третьи – разношерстных, и четвертые – серых и белых мастей. Седла и уздечки – кавказского образца, но большею частью с азиатскими мундштуками; хотя русские инструктора и добивались, чтобы все ездили на удилах, а не на мундштуках, но это оказалось невозможным, так как тамошние жеребцы привыкли к строгим мундштукам и на удилах за-

носили».

В бригаде существовали такие звания, по соответствию русских и персидских чинов: казак, серджюге (приказный), векиль-чап (младший урядник), векиль-раст (старший урядник), векиль-баши (вахмистр), муин-наиб (подхорунжий), наиб-сейюм (прапорщик), наиб-дейюм (хорунжий), наиб-аваль (сотник), султан-капитан (подъесаул), явер (есаул), наиб-сергенг (войсковой старшина), сергенг (полковник), сартип 1-го ранга (бригадный генерал), сартип 2-го ранга (генерал-майор), мир-пендж (генерал-лейтенант), амир-туман (полный генерал), сардар-маршал (маршал), амир-найон (главнокомандующий). На погонах, которые тоже были русского образца, помещались персидские накладки из бронзы: у казаков – лев с короной, у обер-офицеров – лев с короной в лавровом полувенке, у штаб-офицеров – лев с короной и венки в три четверти, у генералов – лев с короной и полный венок, у сардара – большой лев с короной без венка.

В 1883 году бригаду возглавил новый командир полковник Чарковский, который сформировал третий казачий полк, а также эскадрон ветеранов. Был в составе бригады даже свой оркестр.

Это о Чарковском, среди прочего, Мисль-Рустем писал: «Я должен добавить, что русский полковник Ч. в 1883 году устроил одну дежурную комнату по европейскому образцу; там был даже деревянный пол, что большая редкость в Персии, устроенный им из досок ящиков, в которых привезли

орудия из России. На стенах были портреты шаха, разных персидских знаменитостей и картины; в подставках стояли знамена; было даже кресло с серебряной дощечкой, имевшей надпись, что шах в 1883 году удостоил, при посещении казарм, сесть на него...»

Посетивший Персию британский врач Уильс писал в книге, которая была издана на русском языке в 1887 году: «Три года тому назад шах имел три казачьих полка, получавших правильное жалование, при которых состояли инструкторами европейцы. Мне не приходилось видеть более красивого состава солдат и лошадей».

Впоследствии на рубеже 1890-х годов бригада пришла не в лучшее состояние, однако ситуация была исправлена не в последнюю очередь усилиями нового командира – полковника Косооговского, назначенного в 1894 году. Он хорошо говорил по-персидски и еще до своего назначения много ездил по стране. Ему принадлежали идеи реформирования всей персидской армии, которые были впоследствии реализованы на практике. В сентябре 1894 года в бригаде было 500 обученных и экипированных казаков. 1 марта 1899 года шах повелел увеличить численность бригады на тысячу человек, что и было исполнено уже к 31 августа 1899 года.

По наблюдениям Мисль-Рустема, в жизни Персидской казачьей бригады периодически происходили курьезы, связанные с особенностями местного менталитета: «Через казармы вы проникаете в две кухни, чистенькие, с котлами, с дву-

мя пузатыми самоварами, которые для виду возились всюду за бригадой. В этих кухнях никогда ничего не варится. Полковник Ч. вздумал было не давать порционные деньги на руки, но это удалось ему ненадолго: появился ропот, и пищу перестали варить. Дело в том, что на полученные порции персидский казак умудряется кормить всю свою семью, а из котла это сделать невысказано».

Бывали и откровенно забавные случаи, которые также запечатлел в своей книге Мисль-Рустем. Однажды, по его словам, в бригаду явились два более чем почтенных и откровенно не подходящих для строевой службы старика, которые, тем не менее, каким-то образом умудрились раздобыть фирман о зачислении их в ряды шахских казаков. Озадаченный инструктор был вынужден согласиться и поставил их в последнюю шеренгу, поскольку было очевидно: строевые упражнения и освоение воинских приемов старцам не под силу. Вскоре на смотр в бригаду пожаловал сам Насреддин-шах. Дряхлых новоиспеченных «казаков» опять поставили подальше, но у них, оказывается, существовал собственный план действий. «Каково же было удивление инструктора, когда он, проходя по фронту с шахом, еще издали увидел опять в первой шеренге, безобразно державших шашки и сгорбленно стоявших, бородатых стариков. Шах, подойдя к ним, остановился, усмехнулся и сказал: “Вижу, вы старые служаки, – молодцы”. Они же ему, без церемонии, стали из фронта кланяться и приблизительно держали такую

речь: “Мы-то молодцы, носили тебя еще на руках во время твоего похода с отцом твоим Мамед-шахом на Герат (поход этот был лет 50 тому назад), а ты вот, неблагодарный, все нас держишь нижними чинами”. Шаху очень понравилась эта речь, и он со смехом спросил, чего же они желают. Они отвечали: “Чина”, чтобы иметь до смерти пенсию, – и шах им сказал: “Мобарек явер”, что значит: “Поздравляю майорами”. И вот два старика-нахала, никуда не годные, сделались майорами и по проходе шаха были выгнаны из строя русским инструктором и никогда больше не показывались в бригаде. Не правда ли, оригинальное производство?»

При этом Мисль-Рустем отмечал, что хотя современные ему жители Персии в большинстве своем выражали склонность больше к торговым делам, нежели к проявлению воинственного духа прославленных героев прошлого, но изучение военного дела и в особенности верховой езды и джигитовки удавалось казакам из Персидской бригады очень хорошо.

Российско-персидские торговые отношения

В течение многих веков различные персидские предметы оказывались на русских землях. Некоторые из них затем были найдены при раскопках и оказались в местных и государственных музеях.

Так в книге Нины Бедняковой «Музей Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Страницы истории. 1886–1919» в описании нумизматического отделения приводится и персидская монета:

«Монета, сдѣланная въ подражаніе монетам самонидскихъ эмировъ Измаила-бень Ахмеда 892–907 гг. и Насръ-бень Ахмеда 914–943 по Р.Х. Монета эта пожертвована В.Д. Чесноковымъ въ Казанской губерніи, Спасскомъ уездѣ, близъ села Кокрядь, среди серебряныхъ монетъ Самониды Измаила-бень Ахмеда-Шашъ 899–901 г. по Р.Х.»

В книге Сергея Васильевича Дмитриева «Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901—1930-е гг.)», выпущенной Российским этнографическим музеем, несколько глав посвящены экспонатам персидского происхождения. Это коллекция А.Н. Петрова, а также собранная князем Н.И. Аматуни во время его секретной экспедиции в район Персидского залива (1905–1907 гг.) этно-

графическая коллекция.

Петровым была собрана коллекция украшений и предметов домашнего обихода, а также предметы упряжи коня и «Дастархан» – коллекция персидских лакомств из города Урмии. Помимо этого Петров собрал коллекцию персидского оружия, а также персидские латы, приобретенные, по его словам, в Гуль-Тепе на раскопках.

Князь Н.И. Аматауни, действительный статский советник, друживший с А.Ф. Кони и В.С. Соловьевым, в августе 1903 года был переведен на службу Торгового мореплавания и портов (ТМП) Российской империи и спустя несколько месяцев назначен заведующим экспедицией, которая была снаряжена Главным управлением ТМП для отправки в персидские порты. Экспедиция продлилась с февраля по октябрь 1904 года.

После ее окончания князь был направлен в командировки в Москву, Варшаву, Лодзь, Киев, Одессу, Батум, Тифлис, Нижний Новгород и Харьков, где проводил совещания и давал рекомендации для компаний, ведущих или желающих вести торговлю с Южной Персией. Были устроены выставки и совещания.

«По результатам работы этой выставки образцов южно-персидского ввоза и вывоза, устроенной в помещении С.-Петербургской биржи, купцы и другие лица, интересующиеся развитием торговых отношений России с Персией, выразили желание, чтобы из этих образцов по закрытии выставки был

устроен общедоступный музей, который ежегодно бы пополнялся новыми образцами. По мнению Н.И.Аматуни, такой музей целесообразнее было бы устроить в Москве или Одессе по учреждению там агентства Главного управления Торгового мореплавания и портов, в крайнем случае – в Петербурге в помещении Главного управления».

В своем секретном докладе руководству, датированном 3 ноября 1904 года, Аматуни подчеркивает, что «исходил из основного положения, что Россия имеет большие политические интересы в Персии, Месопотамии и Арабском Ираке, которые она поддерживает и развивает мирными средствами, самыми главными важными из которых является установление правильного торгового обмена с Персией, Месопотамией, Арабским Ираком и занятие господствующего положения для нашей торговли на рынках этих стран. Насколько можно было в моих силах, я старался, чтобы представители нашего купечества прониклись этою идеею и в отношениях с иностранными купцами сперва подумали о наших общих государственных интересах во всей Персии...»

В апреле 1905 года князь, исполнявший обязанности чиновника особых поручений при российском министре торговли, отправился уже во главе второй экспедиции в порты Персидского залива и прилегающих к нему провинций. В состав экспедиции входил в качестве секретаря Павел Федосевич Михайлов, казак первого Лабинского полка Кубанского казачьего войска Моисей Здвишков (занимавшийся раз-

ведкой местностей, управлением караваном), а также представители крупных отечественных фабрикантов – Морозова, Кузнецова, Прохорова.

После возвращения из экспедиции в апреле 1906 года Амадуни был направлен руководством министерства в командировки в промышленные центры Российской империи для ознакомления местных купцов и предпринимателей с результатами своих поездок в Персию и возможностью развития торговых отношений россиян с рынками Южной Персии.

25 апреля 1905 года Амадуни подал руководству «Записку», в которой рассматривалось, как реализовывался вопрос об установлении сообщений с Персией морским путем, и проведено исследование Персидского залива.

В феврале 1901 года был совершен успешный пробный рейс Русского общества пароходства и торговли из Одессы в порты Персидского залива. Затем вопрос об установлении срочных сообщений с Персией был обсужден в Особом совещании под председательством статс-секретаря Витте и после этого оказался внесенным на утверждение Государственного совета Российской империи.

В марте 1903 года Государственным советом были признаны важными мероприятия, способствующие укреплению российского влияния на персидской земле, причем отмечено, что это было важным и при всех предшествующих правителях, начиная с создателя империи – Петра I.

Но при этом Соединенными департаментами Государственного совета было отмечено, что прежде планами российского правительства было обеспечение преобладания империи на севере Персии, для чего и были сооружены железные дороги до Карса, а впоследствии – до Эривани. Но это не обеспечивало должного влияния России и ее бизнеса в других провинциях, в том числе – на юге Персии. Поэтому Государственным советом было высказано мнение о необходимости срочного пароходного сообщения с Персией.

2 апреля император Николай II утвердил мнение Государственного совета и Главное управление торгового мореплавания и портов подписало договор с Русским обществом пароходства и торговли. Согласно ему в течение двенадцати лет, начиная с 1903 года Русское общество пароходства и торговли обязалось совершать по четыре рейса в год в порты Персидского залива.

Помимо этого российское правительство стало обращать внимание на помощь отечественным промышленникам в борьбе с иностранной конкуренцией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.